

АЛЕКСЕЙ СЛАПОВСКИЙ

АЛЕКСЕЙ СЛАПОВСКИЙ

ТУМАННЫЕ АЛЛЕИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44
С47

Художественное оформление переплета и макет
Виктория Лебедева

Слаповский, Алексей Иванович.

С47 Туманные аллеи : [рассказы] / Алексей Слаповский. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 507, [5] с. — (Классное чтение).

ISBN 978-5-17-114279-7

Алексей Слаповский — прозаик, драматург, сценарист; финалист «Большой книги» и «Русского Букера», лауреат «Премии читателя»; автор романов «Неизвестность», «Синдром Феникса», «Я — не я», «День дснег», «Победительница» и многих других. Слаповский — один из самых непредсказуемых современных писателей.

«Туманные аллеи» — цикл рассказов, написанный по мотивам «Темных аллей» Бунина. Это игра, эксперимент и даже немного исследование. С позапрошлого века многое изменилось, но стали ли другими сами люди, их чувства и отношения?

УДК 821.161.1-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114279-7

© Слаповский А.И.
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

I

Туманные аллеи	11
Курица	20
Сказки	27
Ангела	35
Надежда	45
Воскресенское кладбище	50

II

Вася Чернышевский	61
Красавцы	85
Муж	89
Анти-Ганна	101
Литература	115
Боря	119
Танцы	124
«Селфи»	129
Ленка и Настя	143
Юля	169

В Цюрихе и после.....	203
Романтическая быль	217
Данилов, Захаров, Саша	228
Соседка	240

III

Огней так много золотых	259
Вольск	266
Вторая жена, второй муж	275
Талия	290
Преображение	296
Валя	309
Страсти Жени Харисова	322
Нет	340
Русалка	354
Обида	366
Стрекоза	370
Икша	381
Сто долларов	386
Голливуд	390
Миша Воркута	401
Жаль	418
Льжню!	427
Чутье	432
Дебби	442
Постскрипtum. Сюжет для большого рассказа	472

Предисловие

Предвижу иронические отзывы:

«Слаповский взялся переписывать Бунина».

«Как Алексей Иванович посягнул на Ивана Алексеевича».

«С Буниным на короткой ноге».

И т. п.

В самом деле, зачем мне это нужно?

Попробую объяснить.

Меня всегда манили и раздражали «Темные аллеи» Бунина.

Манили тем, как написано, а раздражали многим. И архаичным до неловкости эротизмом. И книжностью разговорного языка. И отношением к женщине как объекту, пусть даже и поклонения.

А еще я никогда не мог забыть, что автор — барин, аристократ, и чувствовал себя плебеем, подсматривающим за господской жизнью. «Род пеплума из пунцового бархата был схвачен на левом плече рубиновым аграфом...» — читал я, мелко злясь оттого, что ничего в этом не понимаю. Будто не по-русски писано.

Бунин во многом казался и кажется мне — конечно, ошибочно — высокомерным, даже без аграфов и пеплумов, в благородной своей простоте.

В простоте, пожалуй, особенно — тоже барской, недоступной для меня, потомка крестьян.

И поэтизацию смерти я не могу принять, от любви эта смерть или от войны, неважно. Я не считаю смерть, как некоторые избранные и мудрые, главным событием жизни. Мне это обидно. Да, я понимаю, что приходим мы из Небытия и уходим в Небытие, которое в миллионы и миллиарды раз масштабнее существования человечества, наше бытие по сравнению с Небытием — вспышка спички в бескрайнем космосе. Но не будь этой вспышки, этого бытия, тогда и о величественном Небытии поговорить было бы некому. Что оно есть, что его нет — без разницы.

А однажды подумалось: ведь я знаю все то, о чем рассказал Бунин. Такие или подобные истории случались со мной, с моими друзьями и знакомыми. Мне захотелось понять, что изменилось, как живут сейчас эти сюжеты. Сравнить два времени. Уловить перемены в людях, в языке, в том, что мы называем любовью, понимая под этим каждый свое.

Для чего?

Вот тоже вопрос. Не знаю. Не для соревнования, конечно, это было бы глупо. Впрочем, да, и для соревнования тоже, и пусть глупо, но если бы я утверждал, что не бываю глуп, то был бы совсем дурак.

И этим признанием я окончательно подставляюсь — особенно критикам, но я не для них пишу, а для читателей, которым, возможно, как и мне, захочется сравнить любовную сторону жизни людей, какой она бывала раньше и какой она бывает теперь.

Ваш А. С.

I

ТУМАННЫЕ АЛЛЕИ

Как это сказано в книге Иова?

«Как о воде протекшей будешь вспоминать».

И. Бунин. «Темные аллеи»

В окрестностях поселка Вербилки, что в сотне километров от Москвы, на берегу реки Дубны находится пансионат, называемый «Гелиопарк». Места там чудесные, кругом лес, река течет плавно и тихо, можно ловить рыбу и прогуливаться на лодках. Или просто сидеть на берегу и думать. Отдыхать.

Для этого сюда и приехали муж с женой, ему под пятьдесят, ей тридцать пять или чуть больше.

— У них ужин с семи до восьми, — сказал муж, изучив листок с расписанием, лежавший на столе. — Опоздали. Но есть кафе. Сходим? Или прогуляемся сначала? Или вещи разложим?

— Как хочешь.

— Ты покладистая сегодня. Даже странно.

Она действительно была какой-то задумчиво-рассеянной. Обычно женщины на отдыхе озабочены, иногда даже больше, чем на работе, это ведь дело серьезное: осмотреться, все разложить и расставить,

выяснить, где тут что, составить план развлекательных мероприятий, а уж потом можно расслабиться и получать удовольствие. Но она была в каких-то своих мыслях, к которым будто прислушивалась, и муж посматривал на нее вопросительно, однако вопросов не задавал.

— Ладно, прогуляемся, — решил он.

Отправились к реке.

— Отличное название — Вербилки, — говорил он. — Так бы и назвали пансионат. Нет, «Гелиопарк», видите ли! Тогда уж — «Солнечный парк». Просто и мило.

— Тренд такой. мода. Концерт балалаечников — не звучит. Балалайка-шоу — уже интересно.

— Кому?

— Кому-нибудь.

А вокруг стлался туман. Чем ближе к реке, тем он становился гуще, кусты обволакивало им, как ватой.

— Красиво как, — сказала она.

— Да. Вот тоже загадка, почему нам это нравится? Почему туман — красиво? С чего мы это взяли?

— Просто красиво, и все.

— Просто ничего не бывает. На самом деле нет ничего красивого или некрасивого. Всякой красоте есть практическое объяснение. Туман — влага, вода, жизнь. Поэтому нам и нравится.

— И он редко бывает.

— Умница, садись, пять. Верно. Что редко, то и красиво. Вот цунами, тайфуны. Страшно, но красиво. И тоже редко бывают.

— Но люди же гибнут.

— А ты чего хотела? От красоты всегда гибнут. Как сказал, да?

— Хорошо сказал. Это что за деревья? Стволы какие толстые.

— Кажется, липы. «Кругом шиповник алый цвел, стояли темных лип аллеи».

— Бунин, да. Хотя это не Бунина стихи.

— А чьи?

— Огарёва. И у него не так. У него: «Вблизи шиповник алый цвел, стояла темных лип аллея».

— Каждый помнит, как запоминает.

— Наверно, да. Был шиповник — вблизи, и аллея — одна. А захотелось, чтобы кругом цвел шиповник, везде, и чтобы аллей было много.

— Всегда хочется, чтобы было много. Так мы устроены. И замусорены донельзя. Чего только в голове нет. Я вот Бунина вспомнил, а что за деревья — не знаю. Может, липы, а может, вязы какие-нибудь. Или клены. Нет, клены другие. Я слов знаю больше, чем настоящих вещей. Грустно. Идешь вот в тумане, нет бы просто любоваться, а в голове и сказка про ежика, который тоже в тумане, и песни всякие. «Туман, туман, густая пелена», — фальшивым баритоном пропел мужчина.

— Это что?

— Из советского времени, ты вряд ли помнишь. Какой-то ВИА пел. Вокально-инструментальный ансамбль. Нет, правда, вот вымрет человечество или трансформируется, будет какая-нибудь неорганическая цивилизация. Плазменная какая-нибудь. И для них все эти наши красоты будут звук

пустой. И все наши драмы, все эти Анны Каренины, Раскольниковы, Илиады и Одиссеи, они просто не поймут эту чушь. Будут носиться по космосу, питаться кварками, размножаться молниями. А все, чем мы мучились и чему радовались, исчезнет. Но они тоже что-то любить должны, как думаешь? Интерес тоже к чему-то должен быть, не только же куски чистого разума по Вселенной шляться будут. Любовь протона к нейтрону. То есть к нейтронше. Она мерцала зеленым светом, ее бока были безупречно круглы, она летела по модной траектории изящно и волнующе, и у него сердце оборвалось... Стоп, сердца не будет. А что тогда будет обрываться? Ты чего?

Ему почудилась в том, как она на него смотрит, легкая снисходительность. Умиление матери, любящейся своим умствующим ребенком. Ребенку было бы приятно, а ему стало немного досадно.

— Все это, между прочим, не такая уж теория, — сказал он. — Мы по чужим установкам живем и по чужому примеру. И даже удобно. Вот джинсы, футболки, кроссовки. Нормально. А сто лет назад шли бы — ты в кринолине, я в камзоле каком-нибудь, за кусты цеплялись бы, но тоже считали бы, что нормально. Понимаешь? Глупо говорю, что ли, чего ты смеешься?

— Я не смеюсь.

— А что? Какая-то загадочная сегодня.

— Да нет, просто отдыхаю. Выкинула все из головы.

— И правильно. И мне надо.

Они подошли к крутому берегу, спустились по деревянной лестнице. У дощатого причала покачивались прогулочные лодки, тихо постукивая бортами и позвякивая цепями. Человек в брезентовом плаще закрывал дверь фанерной будки. Наверное, он заведовал этими лодками.

— Вы тут хозяин? — весело и громко спросил мужчина.

— Завтра приходите.

— Черт, досадно! Понимаете, штука какая? Человек как устроен? Мы даже и не собирались кататься. И если бы было можно, еще подумали бы. Но вот нельзя, и сразу очень хочется прокатиться! Просто парадокс! Но для вас тут в чем плюс? Днем скучно — вам заплатили, вы дали лодку, весла, и все. Тут же платные лодки?

— Конечно.

— Ну вот. А теперь все интересней, вы можете дать, а можете не дать. Вы уже не просто лодочник, вы — вершитель судьбы. Вы, конечно, можете не дать лодку, мы пойдем. А можете сделать нас счастливыми. Не каждый день бывает возможность кого-то осчастливить!

Женщина улыбалась. В первые годы совместной жизни она стеснялась этой манеры мужа говорить витиевато в простых ситуациях и с простыми людьми. А потом привыкла. И поняла, что многим из простых людей это нравится. Их как бы приглашали в другую область отношений, им оказывали доверие, их заведомо считали достаточно мудрыми, чтобы взглянуть на обычный предмет с необычной точки